

«В нашем отношении фашизм пока делают на расслабоне»

18 мая 2023

Небольшой архангельский книжный «Все свои», открывшийся в городе осенью прошлого года, недавно оказался в центре [скандала](#): местные провластные активисты призвали закрыть его, поскольку в магазине продаются «противоречащие концепции государства» книги, а также проводятся политически «неблагонадёжные» мероприятия.

«Все свои» — типичный образец небольшого независимого книжного. За последние двадцать лет магазины такого формата стали важной частью повседневной культуры многих российских городов, поэтому логично предположить, что и сложности, с которыми им сейчас приходится иметь дело, примерно одинаковы. Журналист «Новой вкладки» Иван Козлов поговорил с представителями нескольких книжных и попытался понять, как им живётся во времена, когда за пацифистское высказывание можно получить пулю в витрину, а книга «неподобающего» содержания может стать поводом для заявления в полицию.

«Миллион доносов»

Независимый книжный — это несетевой магазин, который ставит просвещение важнее конъюнктуры и интересов крупных издательств. Такие магазины противопоставляют себя сетям и делают упор на научную и гуманитарную литературу. Многие из них имеют собственную позицию, которую транслируют через ассортимент.

Энтузиасты собрали интерактивную карту со всеми независимыми книжными в России — и [насчитали](#) несколько десятков магазинов. Правда, не каждый несетевой книжный может называться независимым: для этого важна, например, собственная экспертиза в подборе книг и внимание к маленьким издательствам. Но закон един для всех, и все магазины подобного типа ощущают его действие примерно в равной степени. Особенно если это репрессивный закон, принятый после начала войны в Украине.

История с магазином «Все свои» примечательна тем, что это, по сути, первый за прошедший год случай, когда общественность призывает закрывать книжные, апеллируя к новым репрессивным законам. До сих пор такого не случалось, но это не значит, что существование независимых книжных всё это время было беззаботным. Сама природа этого бизнеса такова, что занимаются им в основном люди с активной жизненной и политической позицией. Иногда среди них встречаются и консерваторы — как, например, в случае с московским «Циолковским» (его директор Максим Сурков некогда играл значимую роль в ныне запрещённой НБП). Можно вспомнить и магазин «Листва», политика которого изначально была ультраконсервативной, а в последний год он и вовсе превратился в место сбора провоенной общественности и Z-активистов.

Но чаще независимой книготорговлей занимаются люди с антивоенными, либеральными или леволиберальными взглядами. За это, например, пострадал основанный в 2011 году петербургский книжный «Все свободны». Несколько месяцев его витрину украшала вывеска «Миру — мир», но в марте 2023 года сотрудники магазина обнаружили, что витрину [прострелили](#) из травматического пистолета. Деньги на ремонт удалось собрать довольно быстро, но осадок остался. Даже несмотря на то, что поддержки было всё равно больше.

«Да, у нас почти год провисела надпись “Миру — мир”, — рассказывает “Новой вкладке” одна из основательниц магазина Любовь Беляцкая. — И хотя многие волновались из-за этого, мы слышали только слова поддержки. А то, сколько мы получили их, когда витрину разбили, говорит о том, как много людей в России выступают за мир».

Независимым книжным может называться не каждый несетевой магазин — для этого важна собственная экспертиза в подборе книг и внимание к маленьким издательствам

В 2010 году в Перми появился книжный магазин «Пиотровский» — через пять лет, в 2015-м, его основатели открыли магазин под тем же названием в екатеринбургском Ельцин Центре. В том же году у пермского «Пиотровского» возникла первая проблема на «идеологическом» фронте. В ответ на присоединение Крыма и последовавший после этого раскол между россиянами и украинцами директор магазина Михаил Мальцев организовал несколько телемостов с украинскими литераторами, в том числе со скандально известным Владимиром «Адольфичем» Нестеренко, автором книги «Чужая» и радикальным интернет-провокатором, любимыми объектами нападок которого становились в основном русские имперцы и ура-патриоты. Последний в ходе телемоста не сказал ничего крамольного, но всё равно через несколько дней кто-то написал на фасаде «Пиотровского» слово

«бандеровцы».

И всё же до того как «Все свободны» получили пулю в витрину, а «Все свои» подверглись нападкам за «неблагонадёжность», книжники к подобным случаям относились без драматизма. По словам Любви Беляцкой, попытки доносов и жалоб со стороны посетителей были всегда, и за последний год их не стало значительно больше. Хотя отдельные случаи было трудно игнорировать: «Мне пришло письмо, что на меня написали донос из-за того, что на сайте [Карты книжных](#) была опубликована [новость](#) об открытом письме книжников в начале СВО. В доносе открыто угрожали. Недавно приходили анонимки по поводу продажи нами книг [Саши Казанцевой](#)».

По словам Беляцкой, «люди писали миллион доносов» и раньше — во времена, когда «Все свободны» находились в одном из дворов на Мойке (сегодня они переехали на другой адрес). Тогда магазин невзлюбили соседи — история умалчивает, за что именно — вероятно, просто за «подозрительную» активность, нарушавшую их привычный жизненный уклад.

«Там были перлы в духе, что посетители ругают Путина и что мы фашисты, — говорит Беляцкая. — Это были 2015–2017 годы ещё. Так что доносы у нас в стране — это наследие прошлого. Ничего нового».

Некоторые книжные сегодня вынуждены перестраховываться. Например, новосибирский магазин «Перемен» лишился подросткового книжного клуба и книжного фестиваля, которые несколько лет организовывал на своей площадке. Фестиваль уже второй год подряд пришлось отменять просто потому, что многие привычные спикеры уехали за границу из-за антивоенной позиции. А те, что остались, стали «неудобными»: их участие практически наверняка обернулось бы внеплановыми проверками и другими неприятностями. С подростковым клубом ещё сложнее.

«Естественно, мы становимся осторожнее, — констатирует директор “Перемен” Анна Яковлева. — Мы не можем проводить мероприятия с подростками, ведь если вы говорите с ними о жизни, невозможно не упомянуть о каких-то вещах и событиях — подросткам будет неинтересен такой разговор. А если говорить с ними честно, всегда есть риск, что они домой принесут что-то, что не понравится их родителям, — и “привет”».

«В последние годы нас не сжигали»

Активные граждане, выискивающие крамолу в мероприятиях и ассортименте книг, не всегда узнают о «неблагонадёжных» историях постфактум: они могут сами прийти в магазин с чёткой и заранее определённой целью.

«Могу дать подсказку, — говорит один из отцов-основателей книжного магазина “Фаланстер” Борис Куприянов. — “Проверяющего” легко отличить от обычного покупателя за счёт того, что он не берёт книги в руки, а ходит с руками за спиной. Вы когда приходите в магазин, вам хочется взять книгу и полистать, но есть люди, которые книги в руки принципиально не берут. Со стороны это смотрится комично и наводит на разные мысли».

Несмотря на рост цен, книга в глазах российского покупателя пока всё-таки не стала предметом безусловной роскоши

Куприянов — публицист, издатель сайта «[Горький](#)» и один из виднейших деятелей независимой книготорговли — знает, о чём говорит. Московский «Фаланстер», соучредителем которого он был с самого начала, основали ещё в 2002 году — сегодня это один из старейших независимых книжных, на опыт и модель которого равнялись многие магазины в регионах. На своём веку «Фаланстер» претерпел немало кризисов, трудных моментов и нападков со

стороны граждан и властей, а в 2005 году его и вовсе [сожгли](#): двое неизвестных бросили в окно магазина бутылки с зажигательными смесями. Так что, говорит Куприянов, бывало и похуже, чем в последнее время: «Нас в 2005-м сжигали. А в последние годы — не сжигали».

С определёнными оговорками текущее положение дел у «Фаланстера» можно было бы назвать белой полосой: магазин не только не был сожжён, но даже улучшил экономические показатели. Куприянов констатирует: да, доходы у людей в целом упали, но покупателей в магазине за последний год меньше не стало, а спрос даже увеличился. «Чувствуется, что наш магазин нужен, и чувствуется поддержка со стороны покупателей. У меня по этому поводу даже в шапке фейсбука есть цитата: “Экономить на библиотеках во время кризиса — всё равно что экономить на госпиталях во время чумы”. В кризисной ситуации люди читают больше: они пытаются найти ответы на сегодняшние вопросы и ищут их в книгах».

«Как бутылка хорошей водки»

С Куприяновым соглашается большинство героев этого материала, причём независимо от того, расположен их магазин в Москве, в Петербурге или в регионах. Стабильный рост доходов отмечает и директор новосибирских «Перемен» Анна Яковлева, хотя и оговаривается, что он был бы явно больше, если бы люди за последний год не уехали и не обеднели.

Алексей Клёпиков, администратор столичного несетевого магазина «Во весь голос», тоже утверждает, что с 24 февраля 2022 года доходы магазина планомерно росли. Правда, пришлось предпринять некоторые манёвры: временно отказаться от закупки новинок, усилить букинистический отдел и отдел с пластинками да и в принципе больше работать: не так давно Клёпикову пришлось принести в магазин зубную щётку, потому что теперь тут иногда случается ночевать.

Та же история и с уральскими магазинами. В ковидном 2020 году обороты екатеринбургского «Пиотровского» резко упали, а в 2022-м ситуация начала выправляться. По мнению директора магазина Михаила Мальцева, покупатели хотели «наверстать упущенные годы пандемии».

«Как будто вообще никакой войны нету!» — восклицает Михаил. Но, конечно,

со счетов этот фактор никто не сбрасывает: просто не будь его, прибыль была бы ещё больше.

Директор «Пиотровского» Михаил Мальцев считает, что конец ковидной самоизоляции оказал на продажи более значимое влияние, чем начало войны. Мальцев замечает, что книги хоть и выросли в цене, всё равно остались общедоступным товаром: «Хотя бы одну в месяц может позволить себе купить любой человек. Ну, книга стоит в среднем — не знаю, какая там сейчас средняя цена, — как бутылка хорошей водки. Или как три бутылки плохой. То есть, несмотря на рост цены, книга не перешла всё-таки в разряд какой-то абсолютной и безусловной роскоши».

Есть, впрочем, и проблемы — и это не только война сама по себе, но и отложенный эффект санкций. Когда их начали вводить, у большинства издательств были сформированы пакеты и заключены контракты на год вперёд, поэтому на протяжении прошлого года всё было более-менее нормально. Но чем дальше, тем больше западные авторы и правообладатели начинают, по выражению Михаила, «посылать на хуй» российские издательства. Пожалуй, самый яркий пример — Стивен Кинг, коммерческая значимость которого настолько велика, что его отказ от сотрудничества с российскими издательствами не может не отразиться на их экономике. Всё

это сказывается и на работе книжных.

«Мы видим начало падения, и чем это обернётся, я не знаю, — говорит Мальцев. — Если западные издательства станут массово отказывать российским в покупке прав, то я боюсь, что российские просто перейдут в [пиратский режим](#) — а что делать? Примерно как с кино: показываем пиратские копии, маскируя это разными глупыми эвфемизмами. Либо так, либо закрываться».

Впрочем, для несетевых и независимых магазинов момент этого кризиса наступит позже — если вообще наступит. Дело в том, что львиная доля их ассортимента (в случае с «Пиотровским» — до 70%) — малые и средние издательства, в том числе иностранные. Как правило, они выпускают разного рода интеллектуальную литературу, авторов и издателей которой объединяет то, что Михаил называет «интеллектуальным интернационалом». Поддержание академических связей для них зачастую важнее, чем бойкотирование определённого рынка и солидарность с санкциями.

«В большинстве издательств, с которыми мы работаем, процесс отмены всего российского идёт намного медленнее. И вряд ли он примет какой-то тотальный характер», — считает Мальцев.

После начала войны многие российские издательства опосредованно проявили позицию, издав или переиздав отчётливо антивоенные книги — как современные, так и классику

Впрочем, особого оптимизма директору «Пиотровского» это не добавляет: любые процессы на книжном рынке взаимосвязаны, и, например, сектору интеллектуальной литературы от исчезновения Стивена Кинга тоже не светит ничего хорошего: «Я всё равно уверен, что, если в ближайшее время война не закончится и не нормализуются отношения со всем миром, нас ждут какие-то исключительно неприятные вещи».

Любовь Беляцкая из магазина «Все свободны» чувствует «неприятные вещи» уже сейчас: она, в отличие от упомянутых выше коллег, отмечает очевидное падение продаж. Беляцкая уверена, что это связано и с общим уровнем падения доходов, и с удорожанием книг, и с тем, что многие постоянные покупатели за последний год разъехались по разным странам. Она признаётся, что в прошлом году бизнес вообще никак не вырос, но это не заставило коллектив магазина как-то отойти от привычной концепции — просто немного ужались в расходах. Менять ассортимент тоже особо не пришлось.

«Не очень затратно, но достаточно унинительно»

Относительное экономическое благополучие, о котором говорят многие герои этого материала, имеет свою цену. В неё, помимо всех упомянутых выше сложностей, входит и ещё кое-что: унинительная необходимость соблюдать новые правила и мириться с ними.

Например, по одному из новых репрессивных законов магазины вынуждены дополнительно [маркировать](#) книги авторов, которые признаны властями РФ иноагентами.

«Что касается “иноагентов” — это достаточно отвратительная история, — говорит основатель “Фаланстера” Борис Куприянов. — Поначалу многие стали просто паковать книги в бумагу. Некоторые особо ретивые издательства книжку заворачивают в суперобложки специальные и заклеивают скотчем. Мы запаковываем в полиэтилен — это не очень затратно, но достаточно унинительно».

Этот закон приобрёл широкую известность и стал активно обсуждаться, в частности, после того, как в Сети завирусился [ролик](#), на котором была запечатлена полка одного из книжных на Тверской: книги авторов-«иноагентов» на ней были наглухо запакованы в непроницаемый картон, хотя новый закон не требует, чтобы упаковка книг была непрозрачной.

Сегодня в магазинах трудно найти «Лето в пионерском галстуке» — и даже не столько из-за гомофобного закона, сколько из-за спроса, возникшего на книгу на его фоне

Но всё же в основном книжники стараются избегать избыточной самоцензуры, а проблему маркировки пытаются решить так, чтобы обрести дополнительное пространство для высказывания. Например, коллектив магазина «Перемен» решил заодно напечатать на прозрачной упаковке цитаты из Конституции. Анна Яковлева рассказала «Новой вкладке», что оформленные соответствующим образом «иноагентские» книги стали активно раскупать — зачастую друзья магазина приобретали такие издания в качестве коллекционных и даже не разворачивали их: важным было уже само обладание такой «приметой эпохи».

Алексей Клёпиков из «Во весь голос» тоже подошёл к этой ситуации творчески — правда, несколько в ином ключе. Его принципиальным решением было исполнить требование законодательства «максимально уёбищно», то есть нарочито неаккуратно замотать книгу плёнкой в несколько слоёв, а затем сверху маркером написать автора и название.

«Исполнение конгениально требованию», — лаконично пояснил он по этому поводу.

Аналогичным образом поступил и директор «Пиотровского»: «Ну, мы эти книги в пищевую плёнку завернули, чтобы это, ну, намеренно уродливо смотрелось. К тому же, когда есть красивая полка и красивый ряд книг на ней и одна выделяется и торчит, вся замотанная в полиэтилен, — за неё цепляется взгляд».

Так что в каком-то смысле «иноагентская» обмотка только помогает продавать книги. Но сотрудники магазинов всё равно выполняют требования новых законов с огромной неохотой и по минимуму.

Независимые книжные и книги в издательства возвращали только после настойчивого требования последних. Среди причин, по которым издательства просят что-то назад, — [закон](#) о запрете ЛГБТ-пропаганды, под который попадают некоторые книги. Поскольку изначально никто толком не разъяснил, что, собственно, следует понимать под ЛГБТ-пропагандой (да и после [разъяснений](#) намного понятнее не стало), запрет вызвал замешательство среди издателей и продавцов книг: одни спустили всё на тормозах, другие предпочли перестраховаться. Консенсус был, по сути, только относительно одной книги — «[Лето в пионерском галстуке](#)».

«Иноагентскую» маркировку приходится навешивать на самые разные книги

— например, на одну из последних работ социолога Виктора Вахштайна «Воображая город»

Михаил Мальцев описывает эту нетривиальную ситуацию так: «Летом 2022 года, в разгар русско-украинской войны, в разгар охранительских и консервативных риторик, в том числе гомофобных, на русском языке выходит роман про любовь мальчика и пионервожатого! Да ещё и становится просто нереально популярным, продаётся какими-то советскими тиражами в сотни тысяч экземпляров. А когда тираж кончается, книга на “Авито” начинает стоить несколько тысяч — превращается в такой вожаделенный коллекционный предмет. Да, к нам ходят депутаты городской думы, единороссы, которые детям своим, видимо, эту книгу покупают. То есть вот такой хайп вокруг! А по сути дела, это такой русский фанфик. Не важно, как это устроено, но это выстрелило».

Выстрелило — и дошло до кого-то из депутатов-охранителей, а затем и до чрезмерно активных граждан, которые [подняли](#) книгу на штыки. Причём, по мнению Алексея Клёпикова, ни контролирующие органы, ни возмущённые общественники сами толком не понимают, к каким ещё книгам, помимо «Лета в пионерском галстуке», им следовало бы присмотреться. Правда, если Клёпиков трактует это скорее позитивно (в том смысле, что до некоторых весьма откровенных книг охранители просто не доберутся), то Мальцев, напротив, считает, что этим законом депутаты нанесли русской культуре серьёзный превентивный удар: многие книги, вызывающие у издателей опасения, не будут напечатаны из соображений «как бы чего не вышло». Например, один из главных отечественных романов позапрошлого года — «Рана» Оксаны Васякиной — допечатан, скорее всего, уже не будет.

Несетевые книжные вписываться в новые репрессивные рамки не спешат. Например, магазин «Во весь голос» не стал ничего снимать с продаж по доброй воле. В том числе и «Лето в пионерском галстуке»: весь имеющийся в магазине тираж распродали ещё на заре скандала вокруг книги, так что к моменту принятия закона её в магазине просто не было. В итоге с полок сняли меньше двух десятков позиций — опять же, только по просьбе издательств: кто-то попросил вернуть «сомнительные» книги, кто-то предложил убрать их с полок, но поддержать в запаснике, кто-то прямо написал, что некоторые книги подлежат утилизации.

«Мы их, понятно, прикопали в надёжном месте на кладбище имени Культуры

и Отдыха, — шутит Клёпиков, — и заработаем все бабки мира, когда распогодится. Во многих книжных, которые я знаю, ситуация со снятием ассортимента примерно такая же».

«Тихое сопротивление книжников»

Может показаться, что такое пассивное сопротивление и вялый саботаж государственных инициатив — единственное, что сегодня осталось книжникам, но это не так. Точнее, не совсем так.

«Мне кажется, — надеется Любовь Беляцкая, — все мои коллеги будут проявлять позицию как и до этого — мероприятиями, ассортиментом, прямым высказыванием».

«Я всё равно уверен, что если в ближайшее время война не закончится и не нормализуются отношения со всем миром, то нас ждут исключительно какие-то неприятные вещи», — говорит Михаил Мальцев

Надпись на витрине — прямой способ антивоенного высказывания, но есть и опосредованные. Чуть более месяца назад антрополог Александра Архипова [обратила внимание](#) своих подписчиков на специфическую выкладку книг в одном из магазинов, который она предпочла не называть: на стенде,

установленном в холле, можно было насчитать около десятка разных изданий антиутопии Джорджа Оруэлла «1984» и один экземпляр «451 градуса по Фаренгейту» Рэя Бредбери. Архипова назвала подобную выкладку «тихим сопротивлением книжников» и рассказала «Новой вкладке», что с момента опубликования поста ей прислали около сотни подобных фотографий из разных городов.

На самом деле в этом нет ничего удивительного: «1984» с момента первого опубликования держится в списке мировых бестселлеров и стабильно пользуется спросом, а в 2021-м большинство произведений Оруэлла ещё и вышли из-под действия авторского права (в Великобритании оно действует 70 лет после смерти автора), так что во всём мире их стали вновь переводить и переиздавать. Тем не менее такой акцент на антиутопиях действительно становится для книготорговцев важным символическим жестом.

В целом пространство высказывания за последний год чудовищно сузилось у всех, и книготорговцы, конечно, не исключение. Если в феврале прошлого года множество книжников подписали открытое антивоенное [письмо](#) и высказались у себя на страницах в соцсетях, то уже через месяц делать подобные высказывания стало чревато, а затем и противозаконно, поэтому публичные заявления (в особенности от лица целых магазинов) постепенно сошли на нет, а способы проявить позицию стали более изобретательными и изящными.

«Многие издательства, — говорит Мальцев, — напечатали как минимум одно, а то и десятки антивоенных произведений, например выпустили книгу Льва Толстого “[Не могу молчать](#)”, посвящённую его рефлексии по поводу балканских войн. Ведь дело не в балканских войнах, а в том, что у этой работы самый широкий общечеловеческий и пацифистский пафос. Ещё была напечатана его же антивоенная статья “[Одумайтесь!](#)”, которую мы на кассе постоянно держим».

Также сегодня магазины продают огромное количество книг, посвящённых немецкому опыту («[Мобилизованная нация](#)», «[История одного немца](#)», «[Тёмная сторона демократии](#)» или «[Фашисты](#)») и memory studies в целом (например, об обществах, переживших тоталитарный опыт, о работе с исторической памятью и так далее) ну и, конечно, уже упомянутые

антиутопии.

Особое место на полках независимых магазинов сегодня занимают книги, посвящённые переживанию травматического и поствоенного опыта в других странах

Отдельной строкой собеседники поминают Ремарка: в России он был и остаётся неизменно популярным на протяжении последних десятилетий. Мальцев даже иронично называет его «главным российским автором»: «Все понимают, что война кончится и наступит очень тяжёлое время, нужно будет что-то с ним делать, как-то с ним работать. У меня на сайте екатеринбургского “Пиотровского” есть подборка, которая называется [“Книги про диктатуру, войну и геноцид для детей и взрослых”](#) — там есть и детские книги, которые подробно объясняют эти ужасные феномены. Короче, косвенно мы делаем всё, что можем, в плане популяризации антивоенных книг и всех книг, которые могут помочь сформировать критическую позицию в отношении политики российской власти».

Ричард Бахман И Точка

Произнесённая Михаилом Мальцевым фраза «ждём, когда всё это кончится

или когда кончат нас», пожалуй, оптимально описывает те ощущения, с которыми российские книжники смотрят в ближайшее (и тем более в отдалённое) будущее. Хотя в экономическом плане последний год для большинства из них оказался вполне сносным, стратегические планы они выстраивают с огромной осторожностью, а то и вовсе стараются не рассуждать о них лишний раз. Но сдержанный оптимизм всё же себе пока позволяют.

«Мне кажется, что небольшой бизнес должен быть устойчивее к большим катаклизмам, — говорит Любовь Беляцкая. — Хотелось бы в это верить, по крайней мере. Мы пережили уже столько кризисов, чуму и уже больше года безвременья с 24 февраля. Я думаю, что в современном мире такие авторитарные истории не могут продолжаться долго: надеюсь, мы ещё застанем их конец и всё ещё будем продавать бумажные книги».

«В блокаду в Петербурге работали книжные магазины, что совсем уж трудно представить. И сейчас книжные работают — в Украине в том числе»

«Книги останутся, — вторит ей Алексей Клёпиков, — и даже Стивен Кинг в русских переводах когда-нибудь вернётся (хотя я бы на его месте не возвращался, пока от переводов [не отгонят Вебера](#)) — возможно, под псевдонимом Ричард Бахман И Точка. Бизнес какой-то тоже останется, но

частично утечёт в серо-чёрный сам-электро-издат. Государству, если речь о нём, гораздо интереснее сети, крупные игроки и онлайн-торговля. Другое дело, что небольшой авторский или независимый книжный сдохнуть может просто оттого, что [“друг говорил с ним рассеянно”](#)».

Борис Куприянов от прогнозов в принципе воздерживается уже не первый год. По его мнению, дело даже не в том, что с началом пандемии всё может непредсказуемо измениться в любой момент, а в том, что граждане — и представители книжного бизнеса в частности — «ни в коей мере не являются субъектами этих изменений». Так что остаётся только наблюдать и ждать.

«Я читала материалы по истории торговли, и меня поражало, что книжные магазины в России работали вообще во все времена, — рассуждает Анна Яковлева. — В блокаду в Петербурге, например, что совсем уж трудно представить. И сейчас книжные работают — в Украине в том числе. То есть происходит жизнь — любая, бытовая жизнь, которая продолжается независимо от режима. В целом все справляются с этим, но новых испытаний вроде эпидемии и войны, конечно, не хотелось бы».

А Михаил Мальцев из «Пиотровского», рассуждая о «книгах-иноагентах», и вовсе приходит к выводу, что подавляющее большинство мировых классиков в каком-то смысле иноагенты. Вопрос только в том, когда догадаются на всякий случай заклеить и их: «Вам и Шекспир, и Платон, и Гомер скажут, что ничего хорошего [со стороны властей РФ] сейчас не происходит. И попадут в один большой иноагентский список. Значит, вообще все магазины надо будет нахуй пищевой плёнкой обернуть. Но только если серьёзно к этому относиться. Как сказал [Ник Ланд](#), фашизм нельзя делать на расслабоне. А в нашем отношении фашизм пока делают на расслабоне. Запретили несколько книг, а другие остались и с укоризной смотрят с полок на россиян».